

Александр Уланов

Жизнь утраты

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_302

Коркунов В. Тростник на изнанке Земли / Предисл. В. Лехциера.

Алматы: Дактиль, 2024. — 104 с.

Именно любимая может рассказать, что такое рассвет, — но он украден, и «пехотинец уже сидит у тебя на ухе» (с. 96). Тишина тяжело больна, если приходится писать «ботанический sad» (с. 47), с английским словом «печальный». Захватывает ощущение оцепенения и бессилия: «вокруг оцепеневшего солнца в твоей груди баллистически верно кружили бескрылые мухи; и кровеноносные сосуды оставляли гематомы вмятин и средоточий бессилия» (с. 77–78). А кроме катастроф, связанных с внешними событиями, есть катастрофы личной жизни в результате смерти близкого человека или расставания с ним, его или собственной болезни. И потеря любви не менее болезненна, чем потеря человека. Смерть снаружи и смерть внутри, катастрофа мира и личная катастрофа соединяются: «я умер где-то там, в последних тонах отзыва, хотя кто дал мне право говорить о внутренней смерти, когда мор выходит из утопии, и перелетная птица, клюющая зернышки с моей руки, несколько дней назад клевала глаза мертвца» (с. 73–74). И есть не только боль погибающего, но и боль остающихся от невозможности помочь и необходимости как-то жить дальше без потерянного. Как быть «в поседевшем но еще не облетевшем доме / глядящего на тебя лица» (с. 28)?

Как достойно встретить катастрофу? Сочувствие — это и способ оставаться человеком в сложившейся ситуации, и путь к объединению, способному ситуацию изменить. «Сострадание — форма уверенности, что другой человек испытывает боль», — говорил Витгенштейн¹. «Пытаться представить себе чью-то боль по образу и подобию своей собственной — задача не из легких: ибо на основе боли, которую чувствуешь сам, нужно представить себе боль, которой не чувствуешь»². Витгенштейн полагает, что это весьма затруднительно. Может быть, литература способна достичь этого какими-то не прямыми средствами? «реанимация как цикл стихотворений» (с. 19)? Вспомним слово «реанимация» — восстановление души-анимы.

В предисловии к книге В. Лехциер ставит художественность на третье место после этики и политики, отмечая, что «письмо Коркунова — максимально этизированное» (с. 3). Однако этика и политика нуждаются в эстетике. О необходимости отхода от стандартного языка именно в связи с болью говорил Иван Жданов: «Человек, говоря “У меня болит нога”, рассматривает свою ногу как что-то чужое, как объект. Если бы он мог сказать “Я болю в своей ноге”, чтобы погрузить слушателя

1 Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис», 1994. С. 181.

2 Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 184.

в эту боль...»³ При помощи ассоциативной образности и/или смешения синтаксиса выводятся на поверхность и образы утраты. В ситуации катастрофы речь обязана индивидуализироваться и усложняться, чтобы не остаться с не трогающими никакого декларациями. М. Дрёмов пишет о книге Коркунова, что «необходимость тонкой нюансировки... исключает возможность прозрачности»⁴.

Нюансов много. Потеря близкого — не обязательно смерть его или любви. Человек может перестать быть верным себе, раствориться во многих, украдь себя у себя: «стокгольмский синдром, когда ты-похищенная впала в зависимость к похитительнице-себе» (с. 90). Необходима чувствительность к угрозе «стамески-в-контрацептиве-обещаний-и-ласковых-слов» (с. 75). Против насилия недостаточно слова, «потому что слово “нет” в патриархальной культуре / означает готовность принести себя в жертву» (с. 15).

Жизнь вообще предполагает потери. И чем с большим количеством людей, чем глубже человек связан — тем больше этих потерь. Расставание с близким человеком оставляет дыру, которая навсегда, и никем другим она заполнена быть не может. От человека остается огромный объем воспоминаний о каждом его движении — и огромный объем нереализованного будущего, того, что могло быть с ним и вместе с ним, но не будет. Вскрыть подарок от потерянной любимой — как вскрыть тело. «когда-то я сделал тебе птичку из глины, и она клюнула на прощание — а теперь сам становлюсь изваянием, големом, застывшим без команд волшебного жезла твоего, больше не говорящего на моем языке, рта» (с. 80). Потерянный близкий уносит бесповоротно жизнь, связанную с ним. Однако существование вне риска этой потери, вне сочувствия — вне контакта с другим — если и возможно, то убого: «и сколько ни набирай — в себя невозможны звонки» (с. 66). Страна « храни себя в гортани вакуума | земли на выдохе» (с. 87) зачеркнута: видимо, самосохранение — не лучшая судьба, которую можно было бы пожелать. «сломанный человек зачем-то живет дальше; две буквы — личный а-д, перевертыш изначального счастья» (с. 79). Живет, потому что сочувствие помогает не только другому, но и самому сочувствующему.

Замечательны встречающиеся люди: женщина-тростник, девушка-птица, которая лечит вырванным из груди пером ушибы детства. А рядом с этим организованное насилие: «парень мочится через трубочку в его промежность влетели кирзовье поезда ног» (с. 37). С насилием и смертью соприкасаются дети — как им жить дальше? В то же время именно ребенок старается восстановить разрушенное: «сшитая из колготок девочка собирает листья / снятые ветром платья / пытается одеть озябшую ветку // гладит по мертвой ткани / вырубленного парка» (с. 30). Там, где «пару городов расстреляли за попытку побега», дети пытаются пробраться «еще в один / задыхающийся в камере обскура город» (с. 32). Впрочем, у Коркунова нет умиления или сентиментальности. Взгляд на младенца вызывает и вопрос: «может быть его папочка ночью убивает людей?» (с. 96).

В. Лехциер сопоставляет стихи Коркунова с неоэкспрессионизмом, «вызваным (как когда-то — экспрессионизм) чудовищностью нашего времени, тем количеством насилия, которое циркулирует в его венах» (с. 5). Однако обобщений о «сумерках человечества» (как называлась антология поэзии немецкого экспрессионизма, изданная в 1919 году) Коркунов не делает, его стихи более связаны с отдельной личностью. Сочувствие — персональное качество, как персонально горе, вызванное личными ли, общественными ли причинами.

3 Жданов И. Интервью // Сегодня. 1994. 26 февраля. С. 13.

4 Дрёмов М. [рецензия на книгу Коркунов В. Тростник на изнанке Земли] // Воздух. 2024. № 43. С. 371.

В стихах Коркунова — скорее утрата, чем травма. По мнению С. Ушакина, травма «переживается как своеобразный дискурсивный и эпистемологический параллич, как неспособность свести воедино три критических опыта: опыт пережитого, опыт высказанного и опыт осмысленного»⁵. В стихах Коркунова пережитое высказано в тексте и осмыслено благодаря сочувствию. «Стремление вписать следы травмы в структуру повседневности настоящего становится сутью посттравматической жизни»⁶. У Коркунова жизнь прошлой травме не подчиняется. Мир не состоит из одних утрат. В нем «звезды яркие как цветы и так же близки» (с. 84), «ноябрь опадает текстовыми сообщениями дождя и снега» (с. 86). Подруга, у которой на плече сидит иволга, не потеряна полностью: от нее больше нет сообщений, но можно замечать ее в толпе или обнимать тень ее следа (с. 86).

Слова материальны: «кончик твоих слов — кисточка флексии — / движется по левой колонке спины» (с. 26). Потому что материален крик, в тексте далее «глифы начертанных криков» (с. 26). Стихам Коркунова свойственна тактильность: «шорохи янтарных касаний свисают с замерших рук / канатоходцы тишины в пупке ночи ждут» (с. 70) — и его участие в работе помохи именно слепоглухим выглядит не случайным выбором. Человеку в катастрофе помогают предметы. Ладонь гипса тоже надломлена, обнимая человеческий перелом. Помогает и сочувствует и природа: «и тогда она надевает грозу / зонт под которым вечно идет дождь» (с. 66). У ветра отмечается не его вольность, а усталость. О роли природы у Коркунова пишет Л. Хереш: «Для подтверждения своего опыта “я” вынуждено обращаться к природным циклам: опаданию листьев, перелетам птиц, замерзанию воды»⁷. Техника также находится с человеком во взаимопроникновении, есть телефонная книга ресниц, а «фонарные часы отбивают руки о клетку кирпичных ребер» (с. 20). Предметы дополняют человека и одновременно сами берут у него: «солнце пропитывает девочку насквозь — сотканным из нее светом» (с. 20).

Здесь можно заметить сходное с поэзией А. Сен-Сенькова умение видеть необычное в любом малейшем движении: «моргаешь — / и вода замерла / в своем вертикальном водопаде» (с. 68). Яркость одушевленных предметов: «солнце играет с корочкой хлеба / которую глотает день / освобождая свет» (с. 27). Парадоксальность обратных взаимоотношений: «на ушибы подорожника прикладывают человека» (с. 35). Можно вспомнить и о поэтике телесности и раны у Евгении Сусловой.

Бог в мире Коркунова одновременно близок и сомнителен, во всяком случае — зависит от людей не менее, чем люди от него. Он может отнять зрение (с. 48), съедает людей, как суши из коробки (с. 19). И одновременно «однажды обожженный ребенок / выбежит на пляж и / случайно наступит на купол храма / выбив изо рта Бога горлышко минарета» (с. 44). С Богом может разговаривать и шаманка, которая пытается вылечить ребенка (с. 66) или «пишет на холсте облаков / не разлюби и другие заповеди от людей — Богу» (с. 54).

Опыт жизни с утратой, с тревогой — без попыток заглушить их, чтобы успокоить себя. С ослепшей, бродящей «среди картин вывешенных на солнце / в очерченном черном пространстве» (с. 49). Здесь можно говорить о том, что Доминик ЛаКапра называет *working through* — «проработкой травмы, осознанием челове-

⁵ Ушакин С. Нам этой болью дышать // Травма: пункты: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 8.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Хереш Л. [рецензия на книгу Коркунов В. Тростник на изнанке Земли] // Воздух. 2024. № 43. С. 371.

ком того, что он понес тяжелую утрату, но жизнь на этом не заканчивается»⁸. Есть постоянное движение, при котором дом — не стены, а близкий человек: «не люди вбиты в дома, а дома в их тела» (с. 75). Человек бездомен — и одновременно его позвоночник становится мостом, под которым можно ночевать (с. 90). Жизнь продолжается как рост: «побеги комнат прорастут вокруг общего дерева-тела» (с. 62). «В чистоте утра по царапинкам лепестков / капли росы копятся» (с. 65) — жизнь идет через несовершенства, царапины: «храни в своих глазах соринку рассудка» (с. 87). Что остается после человека? «ощущение твоей руки, которую я почувствовал, засыпая» (с. 76). Память прекрасных моментов с потерянным близким человеком или с миром до катастрофы — не попытка убежать, а сознание того, что есть люди, есть мир, и возможно иное существование, чем в потере.

В стихах Коркунова немало эротики (вспомним, что ее много и у Сен-Сенькова): «прямо посреди поцелуя пчела касается солнца» (с. 37), «и ты — (пере)рождаясь — вскрикнешь / когда раскаленные улитки поползут по бедрам и спине / пытаясь нырнуть с края пролетов разведенного моста ног» (с. 93). Не поглощение близкого человека, а движение внутрь него: «проплыть по артериям запястий / до сердца <глиняного> воробья / ожившего изнутри / соприкасающихся ресниц» (с. 59). И лечение сосудов от тромбов — плавание яхт по ним (с. 64).

В строке у Коркунова нередки знаки | (разрыв, стенка между словами?) и < . > (обозначение некоторого пропуска, ждающего слова?) Разрыв — пища для нового, иного будущего: «мир рвется в зрачках тумана / выпадает хлебом для птиц и рыб» (с. 9). Однако важны и прямоугольники черной краски — работа личной цензуры, скрывающей опасное не для государства, а для разглашения тайны личности.

Получается интереснее, если в игре не выигрывать и не проигрывать. Оставить противнице кораблик морского боя в одну клетку, добавить к нему свой такой же — и «мы уплывем из земли на несбитом двухпалубнике / в море выпитое светом твоих полудетских полураздетых глаз» (с. 85). Человек может стоять «в сердцевине сказки — откусывая от нее сны» (с. 88). Есть будущее — надежда и вариативность жизни: «кружится паутинка надежды / на коврах заставок для <не>сбывающейся речи / к которой <еще> не прикоснулся руками» (с. 92). Может быть, способность жить во внутренних катастрофах помогает противостоять и внешним? «деревья окружают уголек света — солнечный зайчик боли» (с. 92). Может быть, боль все же различна: своя — бессмысленный мрак, боль за других — свет, освещющий их и меня тоже. Боль не забыта. Мертвые всегда с нами: «угловатая кость из ила / вонзилась в сердце ребенка» (с. 67). Забывший — проклят. «пещера лазаря открывается раз два три я иду искать» (с. 97) — того, кого воскрешать? Или это воскресший ищет, остались ли настоящие люди вокруг? Если нагреть хлеб, «он протечет слезами птиц, решетом ожиданий, корочкой ситной мозоли» (с. 76).

---

8 Цит. по: Кукулин И. Историческая травма как культурное явление // Постнаука. 2014. 21 мая (URL: <https://postnauka.org/faq/26580>).